

ТЕХНОЛОГИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» КАК СРЕДСТВО ДИСФУНКЦИОНАЛИЗАЦИИ И РАЗРУШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА

И.В. Понкин, доктор юридических наук, профессор

Статья посвящена исследованию технологий дестабилизации и дисфункционализации государственного управления и государства в целом, технологий разрушения государства, превращения государства в дисфункциональное или несостоятельное.

Ключевые слова: государственное управление, суверенитет, дисфункциональное государство, несостоятельное государство, международное право, война, дестабилизация государства, дисфункционализация государства, «мягкая сила», деструкция, идентичность.

Современная международная обстановка характеризуется обострением противоречий между национальными интересами крупнейших государств мира, а также очень сложной картиной взаимодействия и противодействия фундаментальных дифференциалов сил противостоящих друг другу государств, блоков государств, цивилизаций (англосаксонской, Франкофонии, иберийской, исламской, Русского мира, китайской и нескольких др.), крупнейших транснациональных компаний. Ярчайшим примером являются события, происходящие на Украине.

При этом в международных отношениях, пишет Колин С. Грэй, сегодня сложнее (нежели это было в прошлом) использовать напрямую жесткую военную силу, как считается, из-за возрастающего значения универсального международного гуманитарного права [21] (по крайней мере, из-за усиления декларативного выражения уважения к таковому). Соответственно, государствам для достижения своих внешнепо-

литических и иных целей приходится прибегать к более гибким инструментам, в частности – к так называемой «мягкой силе».

Непосредственно сам термин «мягкая сила» (*«Soft Power»*) впервые был введен, как считается, еще в 1990 году Джозефом С. Наэм мл. (Joseph S. Nye, Jr.) [6; 24] (с декабря 1995 года по июнь 2004 года занимал должность декана Школы государственного управления им. Кеннеди Гарвардского университета).

Прежде всего, следует отметить, что «мягкая сила» применялась и применяется не только в разрушительных целях. В таких вариантах «мягкая сила» представляет собой формы и виды целенаправленной деятельности по формированию и поддержанию культурной и идеологической привлекательности государства-актора, которая, в свою очередь, целенаправленно или ненамеренно используется субъектами международных отношений для достижения своих стратегических целей. Такая привлекательность основывается на идеа-

лах и принципах, которых придерживается определенное государство-актор, либо на ценностях, являющихся основными в какой-либо конкретной стране [30, с. 123]. К примеру, концепт «мягкой силы» активно реализуется в настоящее время Китаем – посредством проведения агрессивной торговой политики по отношению к Западу, предоставления на льготных условиях кредитов для латиноамериканских и африканских государств, оказывая дипломатическое давление на своих партнеров, проводя широчайшие культурные кампании и предоставляя наибольшее количество солдат для проведения миротворческих миссий ООН [19].

На совещании послов и постоянных представителей России 9 июля 2012 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что «политика «мягкой силы» предусматривает продвижение своих интересов и подходов путем убеждения и привлечения симпатий к своей стране, основываясь на ее достижениях не только в материальной, но и в духовной культуре, и в интеллектуальной сфере» [13]. Например, проекты Фонда «Русский мир» являются дружественными и неагрессивными по отношению к другим государствам, они не направлены на изменение государственного строя других государств или достижение целей, наносящих ущерб их фундаментальным интересам, соответствующим общепризнанным принципам международного права.

О значении «мягкой силы» в современной политике четко говорится в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ В.В. Путиным 12.02.2013

[4], согласно которой «мягкая сила», определяемая как «комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии» становится «неотъемлемой составляющей современной международной политики». В Концепции особо отмечена тенденция использования «мягкой силы» в современных условиях, когда «усиление глобальной конкуренции и накопление кризисного потенциала ведут к рискам подчас деструктивного и противоправного использования «мягкой силы» и правозащитных концепций в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирования общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках финансирования гуманитарных проектов и проектов, связанных с защитой прав человека, за рубежом» (пункт 20).

Практику применения «мягкой силы» в зависимости от обобщенно выраженных целей ее реализации, от содержания и направленности применяемых технологий можно условно разделить на два вида (типа):

1) «мягкая сила» как средство продвижения государством своих национальных интересов за рубежом или на международной арене без со-проявления с агрессивными разрушительными действиями в отношении других суверенных государств и угрозами их стабильности и их публичным порядкам;

2) «мягкая сила» как средство дестабилизации и дисфункционализации государственного управления и государства в целом, неконституционной смены власти, нанесения необратимого фатального ущерба публичному порядку государства, разрушения государства, превращения государства в дисфункциональное или несостоятельное.

В настоящей статье будет рассматриваться «мягкая сила» второго вида.

Полагаем, что смысл и содержание концепта «мягкой силы» гораздо шире такой формы информационной и политической деятельности, как пропаганда государством своих ценностей и формирование государством собственного позитивного имиджа, для обозначения которых могут быть использованы другие слова и выражения, не имеющие столь явных негативных ассоциаций.

Кроме того, в настоящем исследовании не будут рассматриваться варианты конструктивного применения государством «мягкой силы» в отношении своего населения, поскольку это – тоже другая тема.

В настоящее время для Российской Федерации значительно возросла актуальность проблематики применения технологий «мягкой силы» в целях разрушения государств или трансформации их в слабые и полностью субмиссивные в политике и экономике, поскольку значительно увеличились масштабы агрессивного применения этих технологий в отношении России со стороны США, Великобритании, Канады, Швеции и ряда других государств.

Сегодня в условиях прогрессирующего роста числа случаев публичных экстремистских заявлений по отноше-

нию к русскому народу, в том числе выражающих уничижительное отношение к русскому народу, ведущих к возбуждению национальной ненависти и вражды (как одного из инструментов «мягкой силы» – так называемого нового нациестроительства принудительными методами), проблема угроз агрессивного применения «мягкой силой» в отношении России получает особое значение (в числе недавних – публичное отказывание Ю. Латыниной русскому народу в праве на существование и публичное оскорбительное, расистское называние русского народа «привоем, помесью, грязнокровками» в «Новой газете» [5], за что этому СМИ Роскомнадзор вынес 10.10.2014 предупреждение).

Определение понятия «мягкая сила»

(«Soft power»)

Как указывает Эндрю Лиаропулос, в последние два десятилетия концепция «мягкой силы» является одной из наиболее спорных концепций, использующихся в контексте международных отношений. Несмотря на растущее количество проводимых по данной теме научных исследований на сегодняшний день в научном сообществе отсутствует консенсус в том, что именно стоит понимать под «мягкой силой», как конкретно действие она оказывает, как определять ее эффективность [23].

В устоявшемся понимании «мягкая сила» представляет собой инструментарий достижения желаемой цели посредством привлечения и реализации иных гибких подходов, а не посредством грубой силы принуждения [22, с. 72].

Как писал Дж.С. Най мл., в отличие от «жесткой силы», которая предполагает использование механизмов принуждения, «мягкая сила» основывается на способности государства сформировать повестку дня в мировой политике, основанную на его идеях [24]; «мягкая сила – это не просто влияние. В конце концов, влияние может опираться на жесткую силу угроз или на подкуп. И мягкая сила больше, чем просто убеждения или способность подвигать людей к нужным действиям с помощью аргументов, хотя таковые и являются важной частью технологии мягкой силы. Это также и способность привлекать, и привлечение часто приводит к молчаливому согласию. Проще говоря, если воспользоваться терминологией поведенческой психологии, мягкая сила – это притягательная сила. Мягкие силовые ресурсы являются активами, которые производят такую привлекательность... Опирающийся на «мягкую силу» использует власть ценностей» [24; 28].

Дж.С. Най мл. указывал США в качестве одного из наиболее ярких примеров государств, применявших в прошлом и применяющих ныне «мягкую силу» [24].

Впрочем, эти технологии активно применяются уже в течение длительного времени, помимо США, также и Великобританией, Францией, Израилем, Китаем, Японией, Турцией, рядом других государств.

В настоящее время начинают делаться первые попытки применения «мягкой силы» Российской Федерацией (ярчайшим примером успешного применения Россией технологий «мягкой силы» является Крымская кампания 2014 года).

Как утверждает Дж.С. Най мл., для достижения поставленных целей соблазнение и привлечение всегда является гораздо более эффективным, чем принуждение, а многие ценности, которых придерживаются определенные государства, такие, как демократия, права человека и новые возможности для индивидов являются весьма привлекательными. Мягкая сила возникает из культурной и политической привлекательности государства. Такой инструмент воздействия имеет важное значение для решения многих транснациональных проблем, однако чем активнее государство использует жесткую силу, тем более снижаются его возможности применения мягкой силы [26, с. 26].

По мнению П.Б. Паршина, введя этот термин, Дж.С. Най мл. предложил яркую и афористичную метафору для давно известного и вполне очевидного факта, заключающегося в том, что приверженность человека к чему-либо означает, что источник этой приверженности обладает по отношению к приверженцу некоей притягательной силой и, тем самым, приобретает над ним определенного рода власть, реализуемую через стремление приверженца тем или иным образом приобщиться к источнику этой силы и через возникающую у него готовность ради такого приобщения модифицировать свое поведение, а может быть, и убеждения [9]. При этом П.Б. Паршин обоснованно указывает на недостаточную терминологическую определенность понятия «мягкая сила» и на существующие вследствие этого понятийно-терминологические дискуссии [9].

В научной литературе концепт «мягкой силы» преимущественно рассматривается как связанный с формированием образа привлекательности государства-актора на территории государства-объекта отработки технологий «мягкой силы».

Действительно, применение США мягкой силы предполагает продвижение ценностей и идей, которые, зачастую являясь фактически спорными, преподносятся для всего остального мира в качестве неоспоримых благ, вследствие чего некоторая, подчас влиятельная, часть населения других государств рассматривает США как идеальную, эталонную модель государства, в котором реализованы, воплощены эти ценности [31, с. 25]. Мягкую силу в контексте ее применения США для достижения целей своей внешней политики, как пишет Лэйла Салех, иногда называют «оружием массового отвлечения», подразумевая, что американская массовая культура, распространяемая в зарубежных государствах, может отвлекать целевые группы населения или органы публичной власти от фактического применения США жесткой силы к этим государствам [31, с. 24].

Гэри Роунсли утверждает, что такая привлекательность тесно связана с непротиворечивостью между заявлениями соответствующего государства-актора и его действиями. Успех мягкой силы, таким образом, зависит от достоверности заявления и его источника, поскольку без доверия к нему сложно представить то, как субъект международных отношений может получить поддержку и восприниматься привлекательным [30]. Однако при сегодняш-

нем уровне технологий манипуляций средствами массовой информации и социальными сетями (и посредством таковых) это суждение представляется весьма спорным, так как освоены и широко применяются технологии манипулирования общественным мнением.

Зачастую понятие «мягкой силы» неверно приводят как антитезу понятию военной силы. Но сам Дж.С. Най мл. несколько иначе понимает этот термин, интерпретируя его как оппозицию «группой силе» или, иначе, «жесткой силе» (не важно в данном случае, военной ли, дипломатической или пропагандистско-подрывной) [25, с. 160]. Но и такое понимание является односторонним.

Полагаем, суть концепта «мягкой силы» состоит в задействовании инструментариев в целях минимизации рисков непосредственно своих прямых военных столкновений с государствами-объектами и минимизации финансовых затрат на создание условий и возможностей у государства-актора высказывать военные и политические угрозы и принуждения, а также на подкуп элит или финансирование «колонн» и «групп» влияния в государствах-объектах, но при этом достижение результативности в достижении некоторых внешнеполитических и внешнеэкономических целей, во всяком случае, не ниже, чем при задействовании указанных выше «традиционных» инструментариев деструктивного давления на государство-объект.

Принципиальное различие между «мягкой силой» и «жесткой силой», указывает Джузеппе М. Галларотти, заключается в том, что «жесткая сила» опирается на материальные и людские воен-

ные ресурсы и, как правило, использует именно насильтственные методы, в то время как применение «мягкой силы» заключается в разработке и использовании различных стратегий и действий, которые направлены на внушение симпатии населения одного государства к другому [20, с. 11] и на разрушение его комплиментарности к своему государству, а также на внедрение в общественную жизнь факторов саморазрушения государства и общества и на реализацию иных направлений и технологий «мягкой силы».

Наиболее близко, на наш взгляд, к реальной сути концепта «мягкой силы» описал его Сергей Хелемендик: «Суть Soft Power. Это не мягкая сила. И тем более не мягкая власть. Это американская технология взятия власти в чужой стране и ее передачи нужным в данный момент людям. Технология переворотов. Технология ненасильственная – и это главное, что отличает Soft Power от революции со штурмом Зимнего дворца. Технология Soft Power не берет власть, чтобы ее удерживать или, не дай бог, что-то реформировать. Хотя слово «реформа» многие годы было священным заклинанием во всех посткоммунистических странах, Россию не исключая. Soft Power используется для того, чтобы, взяв власть ненадолго, забрать собственность надолго, а еще лучше навсегда. Слово «ограбить» звучит неделикатно, но точно описывает суть процесса... Кроме отъема собственности, с помощью Soft Power добиваются и других результатов – как правило, стратегического значения» [16].

Надо понимать, что концепт Дж.С. Ная мл. не бесспорен. Так, Эндр-

рю Лиаропулос, ссылаясь и на других критиков концепта «мягкой силы», утверждает, что «мягкая сила – это всего лишь отражение жесткой и сильной власти. Государство принципиально в состоянии применять мягкую силу только при наличии своей жесткой власти и через нее. Только государства со значительными военным потенциалом, экономическим могуществом и промышленной мощью могут претендовать на эффективное применение мягкой силы». Другим основанием для критики этого концепта называют то, что «крайне затруднительно измерить власть в целом и мягкую силу, в частности. По самой своей природе мягкая сила является относительным и нематериальным понятием, что по своей сути трудно поддается количественной оценке. Количественные показатели могут быть использованы для измерения элементов потенциала и приложения жесткой силы (численность населения, объемы расходов на оборону, военный потенциал, валовый внутренний продукт и последствия экономических санкций), но крайне сложно замерить образ государства, репутацию и культурное влияние. Отсутствие четкой концептуальной схемы в концепте «мягкой силы» становится очевидным, когда этот концепт прикладывается к публичной дипломатии и стратегическим коммуникациям. Траектории кампаний «мягкой силы» формировались в зависимости от характера государства, которое реализует технологии «мягкой силы», от типа коммуникативного послания, который ими передавался, и от характера целей. Последние случаи операций «мягкой силы» лишь подтверж-

дают тот факт, что успешное применение «мягкой силы» является довольно ограниченным» [23].

Впрочем, есть и другие подходы и точки зрения. Так, Гэри Роунсли утверждает, что мягкая сила является нематериальным явлением и представляет собой длительный процесс, который в каждый конкретный момент времени может быть практически незаметным, но, однако, она имеет реальные последствия и может быть подсчитана, накоплена и использована как любое другое оружие [30, с. 123].

Полагаем, что при всех недостатках лексической конструкции «мягкая сила», дескриптивно атрибутированной исследуемому комплексу технологий, сам концепт «мягкой силы» вполне адекватен реально существующему и верифицируемому опыту создания государствами-акторами условий для дисфункционализации [10, с. 64–67] и обрушения государств.

Едва ли можно согласиться с С. Хемендикином, пророчащим концепту «мягкой силы» закат [16].

Одни формы и инструментарии технологий «мягкой силы» уйдут, им на замену придут другие.

Например, на смену концепту «мягкой силы» в системе стратегического планирования в США уже приходит концепт «Победа в сложном мире» (Win in a Complex World) [32].

Старые новые технологии

Как уже было сказано выше, непосредственно термин «мягкая сила» стал употребляться с 1990 года. Содержание технологий «мягкой силы» и последс-

твия их применения стали активно обсуждаться за рубежом с того же времени, а в России – в последние 10–12 лет. Однако очевидно, что отражаемая этим термином реальность существовала задолго до 1990 года. Различные технологии и инструменты, обобщенно обозначаемые как «мягкая сила», начали применяться в геополитической практике даже не десятилетия, а многие столетия назад. Только использовались другие понятия – «технологии управляемого хаоса», «информационно-психологические войны», «подрывная деятельность», «тайные нелинейные операции» и т. п.

Немецкий автор Герхард Зазворка еще в начале 1960-х годов писал, что «под термином «психологическая война» следует понимать совокупность всех подрывных мероприятий, проводимых правительственными органами и командованием вооруженных сил ... государств против народов и личного состава вооруженных сил других стран как в мирное, так и в военное время...». Психологическая война позволяет, «используя пропаганду, террор и другие средства, оказывать влияние на собственные народы, народы «вражеских», союзнических и нейтральных стран в политico-идеологическом, моральном и психологическом отношении для достижения целей своей агрессивной стратегии» [3, с. 6–7; 10]. Впрочем, очевидно, что концепт «мягкой силы» существенно шире и сложнее понятия информационно-психологической войны.

20 декабря 1967 г. Ю.В. Андропов заявил, что противник «не гнушается никакими приемами и средствами в тайной борьбе против народов, ...

организует и поощряет реакционные перевороты, путчи и провокации, пускает в ход дезинформацию и клевету» [2, с. 92]. В своем выступлении в июле 1967 года Ю.В. Андропов подчеркивал, что «в нынешних условиях... борьба с врагом происходит в особых условиях быстрого развития научно-технического прогресса и культуры во всех ее сферах... «Противник» пытается подтачивать... общество с помощью средств и методов, которые с первого раза не укладываются в наше представление о враждебных проявлениях», ставит своей целью «действовать так, чтобы по возможности не переступать статьи уголовного кодекса, не переступать наших законов, действовать в их рамках, и тем не менее действовать враждебно» [1, с. 99–100].

Впрочем, и сам Джозеф С. Най мл., которому приписывают изобретение понятия «мягкой силы», тоже писал, что технологии «власти привлечь и через это заставить других желать того же, чего вы хотите, чтобы определять повестку дня, уходят своими корнями в тысячелетия человеческого опыта» [28].

Понятие «умной силы» («Smart Power»)

Как утверждает Гэри Роунсли, в настоящее время концепция «мягкой силы» постепенно начинает терять свою актуальность вследствие наличия двух основных факторов. Во-первых, многие государства избыточно популяризируют данный термин и прикладывают усилия для того, чтобы увязывать проводимые ими (как на внутригосударственном уровне, так и международном)

различные программы помощи с идеей «мягкой силы». Когда этот термин широко и некорректно используется, то он постепенно утрачивает свое точное значение. Во-вторых, необходимость пересмотра данной концепции возникла, поскольку часто «мягкая сила» используется одновременно с другими видами влияния и давления [30, с. 124].

Одним из реальных недостатков концепта «мягкой силы», пишет Колин С. Грэй, является его абсолютная зависимость от неосознанного выбора населения зарубежного государства, чьи традиции и культура могут кардинально отличаться от традиций и культурных ценностей, продвигаемых другим государством посредством применения мягкой силы [21]. Именно поэтому в России оказались в конечном итоге безуспешными проекты по глубокому внедрению в российское общество секты Сан-Мен Муна и ряда других сект, серьезно пробуксовывают и встречают решительное противодействие на всех уровнях общества и государства проекты легализации педофилии и прочих сексуальных перверсий, пропаганды гомосексуальных отношений, в том числе гомо-«браков» и «гомо»-усыновлений и внедрения в общественное сознание комплиментарности к этим явлениям (в том числе – посредством так называемого «секспросвета»), притом что эти проекты реализовывались посредством активного задействования технологий «окна Овертона» [17].

Учитывая указанные выше факторы, определяющие имманентные ограничения потенциальной эффективности инструментария мягкой силы, в 2003 году Джозеф С. Най мл.

ввел понятие «умной силы» («Smart power») (более точно на русский язык этот термин переводится как «оптимизированная сила»), обозначающее комплексное применение «мягкой силы» и «жесткой силы».

По словам Дж.С. Ная мл., понятие «умной силы» было им разработано, «чтобы противостоять неверным представлениям о том результате, который, сама по себе, может производить мягкая сила для эффективной внешней политики. Сила есть индивидуальная способность влиять на поведение других, чтобы получить искомое, желаемый результат. Есть три основных способа сделать достичь желаемого результата: принуждение, оплата (или подкуп) и внедрение привлекательного образа. Жесткая сила представляет собой использование принуждения и подкупа. Мягкая сила представляет собой инструменты, позволяющие получить желаемые результаты за счет привлечения на свою сторону. Если государство может обеспечить свой привлекательный образ, оно может существенно сэкономить на жестких мерах, зачастую находящихся на грани или за гранью международного права, и на экономических вливаниях. Но очень редко, когда одно может полностью заменить другое. Таким образом, потребность в интеллектуальных стратегиях предусматривает оптимизированное сочетание в себе инструментов как грубой, так и мягкой силы» [25, с. 160].

«Smart power», согласно Г.Филимонову, – это эффективное сочетание «жесткой» и «мягкой» силы как наиболее применимый и адекватный с точки зрения современных условий междуна-

родной повестки дня механизм обеспечения государством собственной национальной безопасности и реализации внешнеполитических задач [15, с. 17].

Технологии и инструментарии «мягкой силы», применяемые в целях дисфункционализации и разрушения государств или принудительной их трансформации в субмиссивные формы с редуцированным или полностью утраченным суверенитетом

Выделяют следующие основные сферы приложения «мягкой силы» (как, впрочем, и «умной силы») государством-актором (агрессором):

- культура (тогда, когда она является привлекательной для других);
- политические ценности (являющиеся привлекательными, в том числе, для тех, кто живет за границей);
- внешняя политика государства (когда она представляется легитимной и авторитетной);
- экономическое развитие государства;
- международный имидж государства [22, с. 72].

Организационно применение технологий «мягкой силы» может осуществляться с помощью использования средств массовой информации (которые скупаются аффилированными с государством-актором коммерческими организациями [7]), применения современных способов коммуникации с общественностью [18, с. 10–11] (в том числе – использование социальных сетей, «параллельного интернета», децентрализованных анонимных сетей (P2P и др.)), внедрения агентуры, форми-

рования и задействования «колонн» и «групп» влияния, в том числе посредством поддержки лидеров протестных движений, проектов в сфере культуры, входящих в конфронтацию с принятыми в обществе духовно-нравственными ценностями.

Сущность воздействия агрессивных технологий «мягкой силы», применяемых государством-актором в отношении государства-объекта, может быть описана через вводимые понятия «ксеноморфов-деструктов» и «ксеноморфов-конструктов».

Ксеноморфы-деструкты – это продукты идеологического конструирования – факторы (источники, стимуляторы, катализаторы) неизбежного фатального разрушения и саморазрушения народов и общества в целом, их ключевых идентичностей, институтов и межсоциумных связей, разрушения и саморазрушения государства, его публичного порядка и его институтов.

Ксеноморфы-конструкты – продукты идеологического конструирования – тератогенные (от греч. «teras» («teratos»), что означает «урод», «чудовище») или симулякровые идентичности, ценностные системы, модели, доктрины, идеологемы, парадигмы и т.д., призванные принудительно заменить исторически сложившиеся идентичности, ценностные системы, модели, доктрины, идеологемы и парадигмы в основе существующего публичного порядка государства-объекта и обеспечить прохождение неизбежных фазовых переходов в обществе и государстве и создание новой реальности в ключевых точках – формирование «нового государства» и его «новой нации».

Инструментально весь широчайший спектр технологий «мягкой силы» можно разделить на следующие интегральные направления, каждое из которых объединяет несколько комплексов инструментариев:

1) внедрение ксеноморфов-деструктов, культивирование таких ксеноморфов посредством, в том числе, финансовой поддержки, организационной поддержки посредством задействования «колонн» и «групп» влияния, достижение и обеспечение интроверсии (интроверсия – включение индивидом в свой внутренний мир воспринимаемых им взглядов, мотивов и установок других людей уже как своих взглядов, мотивов и установок [14, с. 244]) референтными социальными группами основных ценностей, идей, идеологем и установок, простирающихся из указанных ксеноморфов:

- внедрение ксеноморфов в общественное сознание в сфере общественной нравственности и нравственной самоидентификации общества, в сфере семейных устоев и ценностей, в отношение к Матери и женщине, к старшему поколению, к детям, призванных разрушать нравственные коды и самоидентификацию, нравственно-ценостные системы, традиции и устои общества (народа) и социумов в его составе;
- внедрение ксеноморфов в общественное культурное сознание – в сфере культуры и культурной самоидентификации общества (через учреждения культуры, театральную систему [8], через ТВ и кинематограф и т. д.), призванных разрушать и дискредитировать культурные коды и самоидентификацию, культурные ценности, традиции

и устои общества (народа) и социумов в его составе, разрушить исторически сложившуюся картину распределения национально-культурной идентичности населения страны;

- внедрение ксеноморфов в массовое языковое сознание и в систему образования, призванных разрушать языковую идентичность и языки народов, «замусоривать» и частично замещать их матом (к примеру, так называемый «русский мат» этимологически не имеет вообще никакого отношения к русскому языку и является привнесенным извне и принудительно интегрированным языковым ксеноморфом), инородным суржиком и культурно сниженным жаргоном, привитие ненависти и пейоративного (уничижительного) отношения к литературному наследию своего народа и к его языковой идентичности;

- внедрение ксеноморфов в массовое историческое сознание титульного народа или нескольких крупнейших народов, призванных разрушить это сознание (прежде всего – в части осознания собственной историко-культурной идентичности, нации, этноса с определенной историей), массово сформировать в указанном сознании «истуар-симулякры» (модели, идеологемы, лже-«факты», фальшивые причинно-следственные связи и т. д.), навязывать мнимые комплексы вины народов;

- внедрение ксеноморфов в массовое религиозное сознание титульного народа или нескольких крупнейших народов, призванных разрушить это сознание (прежде всего – в части привязки своей культурной идентичности и самоидентификации к определенных религиозным корням и традициям),

разрушить исторически сложившуюся картину распределения религиозной идентичности населения страны;

- внедрение ксеноморфов в массовое правосознание титульного народа или нескольких крупнейших народов, призванных дискредитировать в глазах населения государственный строй, институты власти и главу государства, разрушать правосознание, формировать крайние формы негативизма в отношении собственной государственности, разрушить комплиментарность народа к своему государству, формировать пейоративное отношение к идее патриотизма;

- 2) внедрение псевдокультурных, псевдонравственных, псевдорелигиозных, идеологических, политических и иных ксеноморфов-конструктов:

- формирование и внедрение симулякров-образов гиперболизированной привлекательности и «идеальности» (как эталонного образца для подражания) демократических ценностей, традиций, устоев и институциональных формирований в государстве-акторе; мифологизация и скрытие действительного положения дел в государстве-акторе;

- культурная экспансия, внедрение псевдокультурных ксеноморфов-конструктов (в том числе в сфере так называемой «популярной культуры»), достижение и обеспечение интроверсии референтными социальными группами идеологем ксенофилии и вытекающих из этих конструктов основных культурных кодов, чуждых (инородных) населению государства-объекта и, в большинстве случаев даже мало референтных реальным культурным кодам само-

го государства-актора, которое просто искусственно спродуцировало и за- действует в рамках технологий «мягкой силы» эти ксеноморфные конструкты псевдокультуры; формирование намеренно искаженной детской игровой воспитательной среды и образовательной среды, призванных сформировать условия для строительства «новой нации» («нациестроительства»);

- религиозная экспансия, внедре-
ние и навязывание (под прикрытием заведомо искаженной интерпретации свободы вероисповедания) инородных и чуждых для данной территории и для ее населения религиозных и псевдоре-
лигиозных ксеноморфов-конструктов, достиже-
ние и обеспечение интровертными социальными группами связанных с этими конструктами рели-
гиозных кодов, чуждых населению го-
сударства-объекта (в том числе – через принудительный экспорт агрессивных асоциальных религиозных сект, как это осуществляют США с поставками и по-
литическим прикрытием целого ряда произведенных на территории США религиозных сект в отношении России и других европейских государств); формиро-
вание и внедрение симулякров-
моделей государственно-конфессио-
нальных отношений, выгодных госу-
дарству-актору (притом что такие мо-
дели могут даже не иметь референций реальному современному или историче-
скому опыту какого-то конкретного госу-
дарства, а являться искусственным про-
дуктом идеологического конструи-
рования);

- внедрение ксеноморфов-конструк-
тов, призванных подменить собой тра-
диционные нравственные устои, нравс-

твенно-мировоззренческие традиции, ценности и установки в общественном сознании и общественной жизни насе-
ления государства-объекта (навязыва-
ние педофилии и прочих сексуальных перверсий, гомо-«браков» и гомо-«усы-
новлений» [12] как форм допускаемой деятельности и даже как форм «продви-
нутого» образа жизни и др.);

3) содействие формированию усло-
вий и внедрение детерминантов крити-
ческого для устойчивости государства
роста значений линейки рисков публич-
ного управления [11, с. 66–72] – в целях
максимально возможно болезненной
для государства, его устойчивости и
эффективности его дестабилизации и
дисфункционализации; создание ме-
ханизмов постоянного протестного
дестабилизирующего процесса и систе-
матического проведения агрессивных
антигосударственных кампаний в СМИ
(«беспокоящий огонь»);

4) реализация комплекса мер по де-
зинтеграции и разрушению единства и
солидарности полигэтнического общес-
тва в государстве-объекте, позитивных
межсоциумных (в том числе межэтни-
ческих и межрелигиозных) связей в этом
обществе, в том числе через системати-
ческое и массированное оскорблени-
е религиозных и национальных чувств и
унижение человеческого достоинства
(по признакам отношения к религии
или национальности) лиц титульного и
ряда других крупнейших народов госу-
дарства-объекта, через провоцирование
и стимулирование межрелигиозных и
межнациональных конфликтов;

5) принятие мер по достижению
дипломатическими средствами (под-
крепленными подкупом национальных

элит, ведущих экспертов и ключевых менеджеров среднего звена) редуцирования суверенитета государства и деволюции его части в пользу (под управление) международных организаций или межгосударственных союзов или непосредственно государства-актора;

6) формирование контроверсивного «параллельного государства» в рамках суверенной территории государства-объекта с опорой на действующие на его территории «колонны» и «группы» влияния (идеологических или/и религиозных «инсургентов»);

7) создание идеологических, организационных и иных условий для построения на месте и вместо старого государства-объекта государства «новой реальности» с необратимо и фатально трансформированным социумом.

Очевидно, что выбор наиболее эффективных инструментов «мягкой силы» в значительной мере предопределяется произведенным стратегическим целеполаганием при задействовании технологий «мягкой силы», а также от политического, социально-экономического и информационно-культурного состояния государства, являющегося объектом приложения указанных технологий, его возможностей и ресурсов, наличия потенциальных агентов проведения интересов государства-актора на территории государства-объекта.

Эффективность применения технологий «мягкой силы» зависит от отработанности таких технологий уполномоченными органами государства-актора и/или привлекаемыми ими частными компаниями.

Более того, технологии «мягкой силы» могут задействоваться в отно-

шении конкретного государства-объекта не только активно (как это реализовывали США в отношении России и Украины в течение многих последних десятилетий), но и пассивно (в «тлеющем» или, иначе, «спящем» режиме) – посредством реализации соответствующих мер для создания «закладок» на будущее, на среднесрочную или долгосрочную перспективу.

Применение технологий «мягкой силы» негосударственными субъектами

Технологии «мягкой силы» могут применяться не только враждебными иностранными государствами и их спецслужбами, но и другими субъектами.

Государство-актор может использовать мягкую силу не только непосредственно, но и через многосторонние институты как способ принуждения других государств, например, к созданию военных союзов. Таким образом, «мягкая сила» может использоваться для манипулирования другими субъектами международных отношений [31, с. 28].

Существует также мнение о том, что действие и последствия применения «мягкой силы» являются более значительными, если она применяется негосударственными субъектами, поскольку прямое применение «мягкой силы» государством зачастую может вызывать недоверие и отторжение у целевой аудитории [29, с. 41].

Этому способствует то, что в век глобальной информации приобретают все большее значение негосударственные субъекты применения мягкой силы, такие, как некоммерческие орга-

низации, университеты, фонды, религиозные организации, чья деятельность не всегда может согласовываться с государственными планами по применению «мягкой силы» [27, с. 49].

В качестве примера можно также привести деятельность террористических организаций.

Крупные международные террористические организации, как правило, используют в своей деятельности, направленной против конкретных государств, именно жесткую силу, однако и «мягкая сила», применяемая ими в тех же целях, является столь же опасной [18, с. 10]. И дело даже не в том, что, как пишет Дж.С. Най мл., успех деятельности террористических организаций существенно зависит от возможностей применения ими мягкой силы в целях получения поддержки масс населения [27, с. 50]. Террористические организации могут формировать зависимость и лояльность населения конкретного региона посредством оказания необходимых населению услуг, таких как, например, услуги в сфере здравоохранения, образования и социального обеспечения, которые не в силах частично или полностью обеспечить соответствующие органы публичной власти. Соответственно, получатели этих услуг могут воспринимать организации, предоставляющие их, сугубо положительно [18, с. 10].

Некоторые выводы

«Мягкая сила» как инструментальная система представляет собой совокупность институциональных, проектно-идеологических, международно-пра-

вовых, организационных, финансовых, информационно-пропагандистских, разведывательных и других механизмов проектирования, алгоритмизации, реализации, обеспечения и контроля процессов дисфункционализации и избирательного или тотального разрушения другого суверенного государства (государства-объекта) в целях трансформации этого государства в дисфункциональное, несостоятельное («упавшее»), полного его уничтожения в границах бывшей территории либо принудительной его трансформации в субмиссивные формы с редуцированным или полностью утраченным суверенитетом, а также для достижения иных целей в интересах государства-актора.

Соответственно, «мягкая сила» как концепт представляет собой идеологию, маршрутизацию и алгоритмизацию проведения тайных и публичных операций, связанных с реализацией показанных выше инструментариев и направленных на достижение указанных целей.

Применение «мягкой силы» является всегда преэмптивным, что предполагает не столько превентивность (к примеру, агрессивных действий противника), сколько упреждение и пресечение сколько-нибудь эффективных возможностей противника (государства-объекта) защищаться от запланированных агрессивных в отношении него действий со стороны государства-актора.

Задействование описанных выше технологий «мягкой силы» государством-объектом обоснованно и может интерпретироваться как осуществление в отношении него необъявленной войны.

Литература

1. Андропов Ю.В. Ленинизм – неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс. Избранные речи и статьи. М.: Изд-во политической литературы, 1984.
2. Андропов Ю.В. Пятьдесят лет на страже безопасности советской родины: Доклад на торжественном собрании в Кремлевском Дворце съездов 20 декабря 1967 года // Андропов Ю.В. Избранные речи. Изд. 2-е. М.: Изд-во политической литературы, 1983.
3. Зазорка Г. Психологическая война НАТО / Пер. с нем. М.: Военное изд-во Минобороны СССР, 1963.
4. Концепция внешней политики Российской Федерации / Утверждена Президентом РФ В.В. Путиным 12.02.2013 // <<http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d447a0ce9f5a96bdc3.pdf>>
5. Латынина Ю. Если мы не Запад, то кто мы? // Новая газета. 10.09.2014.
6. Най Дж.С. Гибкая власть: Как добиться успеха в мировой политике / Пер. с англ. В.И. Супруна. М.: Фонд социопрогностических исследований «Трнды», 2006.
7. Немецкие СМИ стали частью пропагандистской «сети НАТО» // <<http://russian.rt.com/inotv/2014-10-07/Die-Freie-Welt-Nemeckie-SMI>>. – 07.10.2014.
8. Овчинников Е. Майданутый «Teatr». Как за российские деньги журнал антироссийскую линию проводит // <http://www.stoletie.ru/kultura/majdanutj_teatr_389.htm>. – 09.10.2014.
9. Паршин П.Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России // Аналитические доклады ИМИ МГИМО(У) МИД России. Вып. 1 (63). М., 2013. <http://www.perspektivy.info/book/problematika_magkoj_sily_vo_vneshnej_politike_rossii_2014-03-03.htm>.
10. Понкин И.В. Дисфункциональное государство и несостоятельное государство // Государственная служба. 2013. № 6.
11. Понкин И.В. К вопросу о понятии и видах рисков в публичном управлении // Актуальные вопросы публичного права. 2014. № 4.
12. Понкин И.В., Михалева Н.А., Кузнецов М.Н. О нарушениях прав детей при их «усыновлении» гомосексуальными союзами (однополыми партнерствами): Доклад // <<http://www.strasbourg-reor.org/?topicid=1068>>.
13. Совещание послов и постоянных представителей России // <<http://www.kremlin.ru/transcripts/15902>>. – 09.07.2012.
14. Современный словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1999.
15. Филимонов Г. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. М.: РУДН, 2010.
16. Хелемендик С. Soft Power – мягкая сила «made in USA» // Expert Online (<http://expert.ru/2009/02/6/Soft_Power/>). – 06.02.2009.
17. Beck G., Balte K., Bestler E., Henderson J. The Overton window. – New York: Threshold editions – Mercury Radio Arts, 2010.
18. Dealing With Today's Asymmetric Threat to U.S. and Global Security / Symposium Three: Employing Smart Power / CACI International Inc. // <http://asymmetric-threat.net/docs/asymmetric_threat_3_paper.pdf>. – 2009.

19. Follath E. *The Dragon's Embrace: China's Soft Power Is a Threat to the West* // <<http://www.spiegel.de/international/world/the-dragon-s-embrace-china-s-soft-power-is-a-threat-to-the-west-a-708645.html>>.
20. Gallarotti G.M. *Soft Power: What it is, Why it's Important, and the Conditions Under Which it Can Be Effectively Used* // WesScholar. Division II Faculty Publications «Social Sciences». – 2011, January. – Paper 57.
21. Gray C.S. *Hard Power and Soft Power: The Utility of Military Force as an Instrument of Policy in the 21st Century*. – б.м.: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2011.
22. Li X., Worm V. *Building China's Soft Power for a Peaceful Rise* // *Journal of Chinese Political Science*. – 2011. – Vol. 16.
23. Liaropoulos A. *Being hard on soft power* / Research Institute for European and American Studies (RIEAS) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://rieas.gr/research-areas/2014-07-30-08-58-27/transatlantic-studies/1519-being-hard-on-soft-power>
24. Nye Jr. J.S. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York: Basic Books, 1990.
25. Nye Jr. J.S. *Get Smart: Combining Hard and Soft Power* // *Foreign Affairs*. 2009. July/August. Vol. 88. № 4.
26. Nye Jr. J.S. *Soft Power and European-American Affairs* // *Hard Power, Soft Power and the Future of Transatlantic Relations* / Ed. by T.L. Ilgen. – Aldershot: Ashgate Publishing Limited, 2006. – xiv;
27. Nye Jr. J.S. *Soft Power and Higher Education* [Электронный ресурс] // Режим доступа: <<https://net.educause.edu/library/pdf/fppiu043.pdf>>
28. Nye, Jr. J.S. *The Benefits of Soft Power* [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://hbswk.hbs.edu/archive/4290.html>
29. *Persuasion and Power in the Modern World* / The Select Committee on Soft Power and the UK's Influence [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld201314/ldselect/ldsoftpower/150/150.pdf>
30. Rawnsley G. *Approaches to soft power and public diplomacy in China and Taiwan* // *Journal of International Communication*. 2012. Vol. 18. Issue 2.
31. Saleh L. *Soft Power, NGOs, and the US War on Terror* // *Theses and Dissertations of the University of Wisconsin Milwaukee*. 2012. December.
32. *Win in a Complex World, 2020–2040 / The U.S. Army Operating Concept* / TRADOC Pamphlet 525-3-1, 7 october 2014 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.tradoc.army.mil/tpubs/pams/TP525-3-1.pdf>

Technology «soft power» as a means of creating a dysfunction of the state and a collapse of state

Ponkin I.V., doctor of science (Law), professor

The article investigates the technology of creating a dysfunction and of destabilization of government and of the state as a whole, the technology of the destruction of the state, the transformation of the state to phase submissive or defaulted.

Key words: governance, sovereignty, dysfunctional state, failed state, international law, war, destabilization of the state, dysfunction of the state, soft power, destruction, identity.